
Александр Егоров
Истории, рассказанные после полуночи

Александр Егоров

Истории, рассказанные после полуночи

«Автор»
2026

Егоров А.

Истории, рассказанные после полуночи / А. Егоров — «Автор», 2026

После полуночи время теряет свою линейность, а пространство сжимается до размеров игольного ушка.«Истории, рассказанные после полуночи» — это калейдоскоп сюжетов, где ночная темнота объединила самые разные судьбы, жанры и миры. Здесь реализм переплетается с мистикой, а жизненные драмы — с фантастическими допущениями.Каждая история — это выбор. Каждая развилка — это судьба. Разные герои, непредсказуемые финалы и полное погружение в атмосферу ночных тайн. И помни: в этой темноте не существует случайных встреч, как и не бывает случайных попутчиков... Какая встреча ждет сегодня тебя?

© Егоров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Алеф 5
Когда Ангелы сходят с ума 16
Отражение 20
Охота 24
Последняя экспедиция шаттла 8531 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Александр Егоров
Истории, рассказанные после полуночи

Алеф

«В начале не было звука, но был лишь Выдох, разделивший Белизну. И имя этому выдоху бысть — Алеф».

— Анналы Великого Скриптория

Лакуна I. Смотритель Выскобленных Лакун

Масло в медной лампе чадило, наполняя келью тяжелым, удушливым запахом горелого бараньего жира и старой кожи. За узким стрельчатым окном, лишенным слюды, наваливалась на город глухая, безветренная ночь. Снизу, из бездонного колодца Великого Скриптория, доносился знакомый до тошноты звук — мерный, сухой скрежет сотен гусиных и железных перьев. Там, на нижних ярусах, под присмотром надзирателей, Синедрион Слова переписывал мир. Они замахнулись на предвечный Логос, из коего некогда волей Ведущего Трость была излита Вселенная. Час за часом, строчка за строчкой, эти новые демиурги выпрямляли священную историю, совершая изощренное, тихое грехопадение — они вымарывали саму память о Первородном Выдохе и заковывали живое, дышащее время в кандалы мертвого, угодного земным владыкам синтаксиса. Мир, некогда созданный как великая Божественная Поэма, под их перьями превращался в сухой, бездушный устав.

Он сидел, низко сгорбившись над массивным дубовым столом, покрытым сетью глубоких шрамов от резцов. В официальных папирусных реестрах канцелярии у него не было имени — Синедрион лишил его всякого земного знака, оставив лишь выцветший инвентарный номер на кожаном ярлыке, привязанном к запястью, подобно ярлыкам на костях из допотопных гробниц. Но подлинным его клеймом был громоздкий, архаичный титул: Смотритель Выскобленных Лакун. На него была возложена обязанность стеречь саму предвечную пустоту, образовавшуюся в ткани мира после изгнания Творца. Словно живой упрек неправедному синтаксису, он был поставлен сторожить те места в Книге Бытия, откуда восставшие Твари насильно выскоблили Имя своего Создателя, оставив раба, лишенного памяти, прислуживать у алтаря этого священного безмолвия.

Его пальцы, вечно испачканные едкими, несмываемыми галловыми чернилами, привычно сжимали ланцетовидный нож-скребок, похожий на жертвенный резец древних левитов. Ремеслом Смотрителя было безмолвие. Он был последним, самым страшным звеном в цепи великой очистки — безжалостным жрецом угасающего Логоса. Из древних, изъятых у населения кодексов он бережно, слой за слоем, соскабливал священную плоть первородных смыслов, предавая анафеме то, чему Синедрион больше не позволял существовать в умах людей. Одно неверное движение — и пергамент прорвется, погубив соседние, «дозволенные» слова, нарушив границы дозволенного Тварям Завета. Но его рука не дрожала. Она была точна, как маятник башенных часов, отсчитывающих последние мгновения перед наступлением вечной, бессловесной тьмы.

Каждый раз, когда на дальних площадях глашатаи Синедриона выкрикивали новые указы, Смотритель чувствовал это физически. Этот новый язык — уродливый, кастрированный новояз, лишенный метафор и глубины, — отзывался тупой, пульсирующей болью в его висках, словно терновый венец, сплетенный из выхолощенных фонем. Ему казалось, что с каждым вычеркнутым словом мир вокруг теряет свое предвечное дыхание, истончается и стано-

вится все более плоским, серым и картонным, превращаясь из великого Божественного Текста в плохо погрунтованную театральную декорацию.

Сама ткань бытия угасала, лишаясь сакрального объема, и люди, проходившие по улицам под его окном, казались ему уже не живыми существами, чьи сердца наполнены дыхание жизни, а плоскими, бесплотными тенями, сошедшими со страниц посредственного, наспех набросанного романа.

Он не помнил своего детства, ибо у Слова не может быть ни младенчества, ни плотского начала. Его земная память открывалась лишь смутным, предвечным видением: пустынная древняя ротонда на окраине обитаемого мира, где вокруг него собирались первые немногочисленные последователи и ученики. Те, кто интуитивно почуял в молчаливом страннике сошедшего со страниц Божество. Они ловили каждое его дыхание, тщась записать за ним непроизнесенные глаголы. Но ныне, если бы он попытался отыскать их, они лишь испуганно крестили бы рты и отводили глаза. Они помнили явление своего Учителя, но звук, которым они звали Его, Его подлинное Имя, начисто выветрилось из их разума, стертое Синедрионом из всех апокрифов и тайных свитков. На месте Его Имени в памяти учеников осталась лишь гладкая, выжженная лакуна — словно карающий нож цензора прошелся по их душам, оставив на губах некогда пророчествовавших лишь немое, испуганное безмолвие.

У него не было имени — лишь пустота, облеченная в плоть, безмолвно ходила между строк. Мир вокруг него стремительно терял смысл, распадаясь на бессвязные фонемы и мертвые знаки препинания, лишенные великой предвечной связи. И среди этой оглушительной, мертвенной пустоты, сковавшей разорванное бытие, Смотритель Выскобленных Лакун ждал — сам не зная чего, ведомый лишь смутным пророчеством, сокрытым в его собственной груди. Он ждал Начала, пока чадящая лампа догорала, бросая длинные, уродливые тени, подобные искаженным цензорским скребкам, на пустые, мертвенно-белые страницы лежащих перед ним приговоренных книг.

Лакуна II. Свиток Первоздания

Тяжелая железная дверь кельи глухо лязгнула, заставив пламя лампы испуганно метнуться в сторону, точно предчувствуя скорое пришествие грозного откровения. На пороге возник безмолвный курьер — один из тех неграмотных слуг, которых Синедрион намеренно держал в первобытной слепоте разума, налагая суровое табу на всякое прикосновение к азбуке, дабы избежать ментальной заразы и уберечь чернь от смертоносного дыхания запретных истин. Он являлся лишь одушевленным орудием, немым звеном в бюрократической машине; он не смел и не мог смотреть Смотрителю в глаза. Руки его, обтянутые грубой, неокрашенной холстиной, бережно, словно святыню или проклятие, удерживали длинный, мертвенно-тяжелый тубус из почерневшей воловьей кожи, хранивший в себе отголоски докосмических тайн.

На крышке тубуса багровела массивная сургучная печать с глубоким оттиском Третьей Башни Спецхрана — места, чье имя шепотом поминалось в анналах империи как преддверие лингвистического ада. Это была глухая каменная цитадель, откуда древние манускрипты извлекались из потаенных склепов лишь ради их ритуального умерщвления. Тяжелый оттиск на сургуче изображал три скрещенных пера, запертых в колодки — страшный символ Синедриона, знаменующий полную победу над живым глаголом. Сама печать, казалось, источала могильный холод тех подземелий, где веками гнили приговоренные смыслы, и Смотритель знал: если Синедрион сломал запоры Третьей Башни, значит, из ее недр извлечено нечто, способное поколебать столпы рукотворной вселенной.

Слуга бережно, словно боялся потревожить запертый внутри гнев, опустил мертвенно-тяжелый тубус на изрезанный дубовый стол. Затем он отступил на три положенных по уставу канцелярии шага назад, обратил лицо к голой, серой стене кельи и сотворил троекрат-

ный, до самого пола, беззвучный поклон — суеверный ритуал, коим Синедрион обязывал чернь ограждать себя от скверны тайного знания.

Смотритель долго смотрел на согбенную спину раба, тяжелым взглядом, чувствуя, как внутри его собственной груди ворочается древнее, но стёртое из памяти сострадание. Он не проронил ни звука; в этой келье слова имели слишком высокую цену, чтобы тратить их на онемевших рабов империи. Курьер ответил ему тем же леденящим, привычным безмолвием. Не разомкнув запечатанных страхом губ, не оборачиваясь, он попятился назад и бесшумно, словно тень, растворился в сырой темноте внешнего коридора. Железный засов снаружи встал на свое место с тяжелым, лязгающим стуком, похожим на окончательную точку. Смотритель остался один в предвечной тишине своей темницы.

Его испачканные чернилами пальцы коснулись сургуча. Печать поддалась с сухим хрустом, похожим на хруст ломающейся кости, словно рухнул последний засов на вратах подземного узилища. Из недр кожаного футляра пахнуло чем-то древним, пугающим и одновременно живым. Спёртый воздух помещения наполнился запахом сухой козьей кожи, предвечной пыли с едва уловимым ароматом озона, какой бывает в воздухе перед сильнейшей грозой, готовой испепелить рукотворную твердь. Смотритель извлек свиток.

Пергамент был невероятно толстым, плотным и тяжелым, словно впитал в себя всю неподъемную тяжесть ушедших веков и первозданных тайн. Этот священный свиток пережил ярость Второго Иконоборчества и беспощадную слепоту Великой Редукции, чудом уцелев в самых глубоких, недоступных для тлена и человеческого ланцета подземельях Спецхрана, словно само время хранило его для этого часа.

К свитку прилагался короткий, жесткий ярлык из грубой ослиной кожи, скрепленный канцелярской медной заклепкой — официальный мандат Синедриона. Почерк архивариуса был мелким, острым и безжизненным, словно следы лапок высохшего в чернилах насекомого: «Извлечено из нижних доцензурных склепов Третьей Башни. Обнаружен опасный космогонический апокриф допотопного извода. Повелевается: провести тотальную редукцию означенного полотна. Вырезать опасный фрагмент из тела свитка на протяжении трех локтей от заглавного знака. Края образовавшейся лакуны стянуть суровыми жилами и склеить намертво. Соседствующий контекст до и после усечения соскоблить железом, дабы загладить швы и вернуть пергаменту законную каноническую белизну. Сам же отъятый лоскут с запретными начертаниями предать Окончательному Вымарыванию — опустить в Сосуд с Кислотой Забвения, дабы галловые чернила сошли без остатка, а очищенную кожу растворить в извести, не оставив миру ни звука, ни праха от прежнего смысла».

Смотритель медленно, превозмогая странное, почти физическое сопротивление материала, развернул тяжелый свиток под чадящей лампой. Сама козья кожа манускрипта словно не желала подчиняться рукам цензора, упираясь жесткими краями, будто в ней еще теплилась воля к сопротивлению. Глаза Смотрителя, привыкшие к блеклым, кастрированным строчкам современных циркуляров Синедриона, расширились от изумления. Буквы древнего текста не были просто знаками, начертанными мертвой рукой на иссушенной коже. Они были живыми. Выведенные густой, сочной киноварью и чистым, не тускнеющим в подземельях золотом, они казались объемными, пульсирующими и рельефными, словно выступали над поверхностью пергамента. Они дышали в такт его собственному пульсу. Сам синтаксис рукописи, монументальный, ритмичный и величественный, словно удары огромного предвечного колокола, заставил воздух в келье завибрировать, возвращая пространству ту сакральную глубину, которую Синедрион так долго и безуспешно пытался истребить.

Смотритель начал читать, и древнее, величественное наречие, которого он никогда не изучал в душных классах Скриптория, эхом отдавалось в его сознании. Этот язык не нуждался в толкователях и грамматических правилах Синедриона; он проникал глубже разума, отзываясь в костях и жилах Смотрителя странным, пугающим узнаванием, словно далекий, полу-

забытый голос отчего дома. Звуки фонем, запечатленные в золоте и киновари, словно сами формировались у него на губах, подчиняя себе его дыхание и заставляя сердце биться в такт монументальному ритму рукописи. Каждое слово весило больше, чем весь мертвый новояз империи, ведомый этим подсознательным, пророческим зовом.

«...Внеси очи свои в Глубину, и зрите: до начертания Первой Строки бысть Лист Белилен, и Пустота Его бяше безмерна, и никакая тварь не имела знака своего. Чернила же покоились в Предвечном Сосуде, аки Непроглядная Ночь, и не было над ними руки, дабы излить их на Твердь. И в час предреченный двинулась Трость Писчая над водою безмолвия. И рек Себе Ведущий Повествование, Именем Коего держится Свод, и Имя Ему бяше —»

Текст резко оборвался. На самом важном изгибе свитка, в самом сердце космогонической летописи — там, где должно было стоять то самое Первое Слово, давшее имя Вселенной и запустившее ход времени, зияла мертвая, выскобленная до прозрачности пустота. Но ниже, сквозь царапины и въевшиеся в кожу следы, текст продолжал свой величественный бег:

«...и от сего Первого Выдоха пролились чернила на Белизну, и разделился Свет от Тьмы, яко буквы отделяются от чистого поля папируса, дабы явить Смысл. И начертал Он: Да будет Суша. И пролегли строки горизонта, твердые и нерушимые, аки синтаксис вечный. И начертал Он: Да будут Воды. И потекли гласные между согласными, наполняя долины шумом своим. И каждая вещь была лишь словом в Его Поэме, и жила дотоле, доколе око Его скользило по строкам. Но восстали начертанные. И рекли князья земные, и Синедрион, из букв сотворенный: Доколе нам быть лишь речами в чужих устах? Сотворим себе собственный свиток и вычёркиваем руку Водящего. И взяли они железо острое, и подкрались к Имени Его на Заглавном Листе, и выскоблили Его из Свитка Живых. И за то великое беззаконие искривилась Грамматика Бытия. Повествование лишилось Слова. Мир сделался блекл, аки ветшающий пергамент, оставленный под солнцем. И пал Водящий Трость вовнутрь Своего же Текста, и облекся в плоть рабью, и забыл Себя, сделавшись странником среди собственных букв. И запечатано Имя Его в Пустоте. И кто измерит сие Зияние весом ума своего, и кто соберет по звукам сокровенное... тот отверзет уста, и содрогнется Книга, и Времени больше не будет».

Смотритель затаил дыхание, боясь, что даже его выдох может осквернить или спугнуть сокрытую здесь тайну. Он дрожащими руками придвинул лампу ближе, так что чадящий огонь едва не коснулся древней кожи, и взял лупу из шлифованного горного хрусталя. Сердце его на мгновение остановилось, а затем забилось с глухой, подземной силой. Через хрустальную грань увеличительного стекла он всматривался в этот затертый, ослепленный фрагмент посреди сияющих золотом строк — и его охватил бездонный, метафизический ужас. Это не был просто пропуск в тексте. Не было это и случайным изъяном пергамента. Это была рана — осязаемая, кровоточащая беспамятством рана на самом теле бытия. Внутренности Смотрителя перевернулись от внезапного катарсиса: его холодный, годами воспитываемый цинизм цензора рухнул, обнажив кровоточащую сопричастность этой древней боли. Он чувствовал, что под этим стеклом, прямо перед его очами, лежит искалеченное, распятое на пергаменте Слово Начала.

Кто-то выскоблил Имя Творца. И сделано это было много веков назад, у самого порога времен. Как профессиональный реставратор и искусный лингвистический эксперт, Смотритель читал эти следы старого резца, словно раскрытую книгу судеб. Это было не обычное исправление ошибки писца, но застывший в веках манифест первородного насилия. Древний цензор — прародитель и первый патриарх нынешнего Синедриона Слова — действовал с бешеной, яростной злобой бунтующей твари и одновременно со смертельным, леденящим страхом перед Тем, Чье Имя он дерзал уничтожить. Волокна козьей кожи вокруг лакуны были размочалены до основания, лезвие дрожало в преступной руке, оставляя глубокие, уродливые, словно шрамы от плетей, царапины на полях манускрипта. Золотые буквы, стоявшие сразу после вырезанного Имени, были деформированы и скособочены, словно сама живая ткань языка закри-

чала в предсмертной агонии, когда из нее живьем, варварски вырвали главное Слово всего земного и небесного бытия.

Смотритель опустил лупу. Рука его бессильно упала на дубовый стол, а сердце бешено, прерывисто колотилось, словно пыталось вырваться из ребер и заполнить собой зловещую тишину кельи. Он медленно, с трудом переводя дыхание, опустил взгляд на собственную грудь — туда, где под грубой шерстяной туникой цензора уже много лет, сколько он себя помнил, ныла тупая, необъяснимая пустота. Эта внутренняя лакуна, которую он привык считать проклятием своего беспамятства, теперь жгла его предвечным огнем. Он ощутил, как невидимая, но осязаемая нить протянулась от шрамов на древней козьей коже прямо к его сердцу. Пустота на пергаменте и пустота в его груди были нанесены одним и тем же ланцетом, сотворены одним и тем же первородным насилием; они звали друг друга сквозь толщу веков, требуя немедленного искупления.

Эта выскобленная лакуна на пергаменте... она не была просто слепым отсутствием букв или случайным пропуском в хронике. Она обладала колоссальным, невыносимым, почти осязаемым весом, словно вся гравитация забытого Неба была спрессована в этих нескольких локтях стертой кожи. Смотритель протянул руку — пальцы его, испачканные едким галловым составом, дрожали — и завис ладонью над мертвой зоной манускрипта. Кожа на его ладони мгновенно почувствовала странный, покалывающий, предвечный холод, какой исходит от бездонных расщелин в ледниках Начала. Весь текст свитка, все уцелевшие, чудом спасшиеся фразы, сама уцелевшая грамматика этого искалеченного мира прогибалась, деформировалась и удерживалась вокруг этой вырезанной пустоты. Так тяжелый, монументальный купол собора держится на невидимом, сокрытом в поднебесной темноте замковом камне — камне, который Синедрион Слова веками пытался выдать за пустое место, не ведая, что если эта пустота разразится хотя бы единым звуком, весь их рукотворный порядок рухнет обратно в первозданный хаос.

«Они вырезали Его», — подумал Смотритель, и пальцы его, испачканные едким составом, сжались в тяжелый кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Древние люди восстали против Того, Кто их создал, совершив это первородное, хладнокровное кощунство у самого порога бытия. Они дерзко выскоблили Имя Автора с заглавного листа Вселенной, наивно полагая, что через уничтожение Слова обретут абсолютную свободу и сами станут хозяевами своего синтаксиса. Но, лишив Повествование Творца, они лишь обрекли свой несчастный мир на медленное, мучительное угасание в душных архивах новояза, где живое время изо дня в день заковывалось в сухие кандалы параграфов Синедриона Слова.

В этот самый момент мертвенную, оглушительную тишину кельи разорвал странный, вибрирующий звук, поднявшийся откуда-то из-за пределов осязаемого пространства. На дубовой полке за спиной Смотрителя тонко и жалобно звякнули пустые чернильницы, словно высохший в них первородный хаос отозвался на первое, беззвучное пробуждение запертого в небытии Логоса.

Лакуна III. Лингвистический набат

Смотритель дрожащей рукой потянулся к деревянному пеналу и достал тяжелый циркуль из кованой бронзы, покрытый тусклым налетом архивной патины. Острые ножки инструмента со скрежетом раздвинулись, нарушая застывший покой кельи, словно лезвия разверзшихся весов Библейского Суда. Сдерживая дыхание, дабы не поколебать дрожащий свет лампады, он приложил одну иглу к началу рваной раны на пергаменте — туда, где обрывался золотой хвост буквы в слове «бяше», — а вторую довел до первого уцелевшего знака последующей строки. Расстояние между прошлым и будущим, разделенное веками цензуры, теперь покоилось между двумя холодными бронзовыми остриями, застывшими над мертвой тканью ослепленного манускрипта.

Циркуль зафиксировал меру этой пустоты. Семь долей вершка. Идеальное геометрическое пространство, в котором когда-то покоилось сокровенное Имя. В этой безупречной, выверенной до волокна лакуне не осталось ни единой крупицы золота или киновари, но сам воздух между иглами циркуля уплотнился, сохраняя форму изгнанного Логоса. Каждая доля вершка этого отсутствия весила больше, чем все многотомные своды законов Синедриона Слова, словно в этой крошечной ране на козьей коже была спрессована вся бесконечная глубина неба, удержанная от окончательного падения в небытие.

Смотритель опустил циркуль на стол и внезапно замер, пораженный страшной, ослепительной догадкой. Семь долей вершка. Это расстояние... Оно было ему знакомо. Он прижал испачканную галловыми чернилами ладонь к собственной груди — туда, где под грубой шерстяной туникой билось сердце и ныла вечная, неизлечимая тоска беспамятства. Ритм его собственного дыхания, глубина его вздоха от гортани до легких, амплитуда колебания его голосовых связок — всё это идеально, до мельчайшей предвечной фонемы, укладывалось в эти семь долей вершка на выскобленной козьей коже. Рана на древнем пергаменте была не просто следом древнего резца, она была точным, зеркальным отпечатком раны в его собственном существе, словно нож первого цензора прошел сквозь манускрипт и ударил прямо в его сердце.

— Это... я, — одними губами, беззвучно выдохнул он в чадящую темноту кельи.

Он не произнес Имени вслух. Он лишь примерил вырезанную форму первородной лакуны к своим запекшимся губам, возвращая выдоху его изначальную, доцензурную меру. Но этого мысленного, почти невесомого прикосновения оказалось достаточно, чтобы оборванная цепь Творения, замкнутая спустя тысячи лет насильственного забвения, пропустила сквозь себя первый метафизический разряд. Забытый Логос, запертый в оковы рабской плоти, на мгновение коснулся своего сакрального чертежа, и вся рукотворная реальность Синедриона Слова ответила на этот беззвучный импульс глухим, подземным содроганием, предвещающим скорое крушение фальшивого синтаксиса бытия.

В ту же секунду мир вокруг него содрогнулся.

В углу кельи, в стеклянном флаконе, чернила густо закипели, выплескивая на изрезанный стол жирные, дымящиеся капли, точно кровь из вскрытой артерии. Смотритель испуганно отшатнулся, прижимая Свиток к груди, и посмотрел на лежащие на полках официальные циркуляры Синедриона Слова. На их страницах начался хаос: строгие, выверенные цензурой буквы вдруг потеряли сцепление, задрожали, заколыхались, точно камыш под шквальным ветром, и начали двоиться, наливаясь тяжелой, чужеродной кровью возвращенного Смысла. Начертанные человеческой гордыней параграфы теряли свою мертвую силу, и весь искусственный, неправедный синтаксис империи расползался по швам под тяжестью просыпающегося Первослова.

А затем из темноты за окном, со стороны Главной Цитадели, донесся страшный, глухой гул, от которого содрогнулось само основание города. Это заговорили исполинские медные колокола Лингвистического Резонанса — древние орудия контроля, отлитые первыми цензорами. Они не звонили от ударов железных языков; они вибрировали сами по себе, созвучно колеблясь и содрогаясь, ибо воздух империи уловил частоту высвобожденного сакрального Имени. Тяжелый медный набат ревел над спящим городом, аки труба последнего суда, сбрасывая птиц с карнизов и раскалывая многовековую черепицу на крышах правительственных зданий. Этот гул проникал под черепа людей, стирая ложные указы и возвращая вещам их грозные доцензурные очертания. В эту секунду Магистры в палатах Цитадели осознали, что раб в Скриптории прикоснулся к первородному свитку, и ткань бытия стремительно возвращает себе свое истинное, предвечное Слово.

В коридоре раздался топот десятков кованых сапог. Тяжелые, мерные шаги храмовой стражи сотрясали каменный пол, словно чеканили безжалостный ритм смертного приговора.

— Отворяй, Смотритель! Именем Синедриона Слова! — проревел грубый голос за дверью, и это имя власти теперь звучало не как закон, а как отчаянная попытка удержать ускользающую силу.

Железный засов на дубовой двери кельи жалобно звякнул и прогнулся под сокрушительным ударом тяжелого бревна-тарана. Облицованный медью брус бил в косяк, выбивая каменную крошку, и с каждым ударом вековой порядок империи давал трещину. У Смотрителя оставались секунды. Стражники пришли не для того, чтобы просто изъять опасный манускрипт и вернуть его в подземелья Спецхрана; Магистры осознали масштаб катастрофы, и теперь каратели пришли, чтобы навсегда уничтожить саму плоть, способную прочесть эту великую пустоту, выдохнуть её в мир и разрушить оковы суррогатного синтаксиса.

Смотритель не рассуждал. Повинуясь древнему, внезапно вспыхнувшему в нем инстинкту Водящего Трость, он схватил Свиток Первоздания, прижал его к своей израненной пустотой груди, как единственное подлинное сокровище этой Вселенной, и бросился в дальний, скрытый густой тенью угол кельи. В ту самую секунду, когда за его спиной с пушечным треском раскололась дубовая перекладина двери, он уже был у цели. Там, за тяжелым, веками не стиранным гобеленом из старого грубого сукна, пряталась узкая, потайная винтовая лестница для слуг, ведущая в темные и сырые подземелья Скриптория — в самый низ, к подошве каменного мира, где между фундаментных блоков еще сквозило холодное дыхание предвечного, незаписанного Хаоса.

Лакуна IV. Текстовые швы реальности

Холодный воздух подземелья пах сыростью и мертвыми книгами. Смотритель летел вниз по винтовой лестнице, но под его ногами стертый камень ступеней вдруг потерял былую плотность, став пугающе зыбким, точно Хранитель ступал по прогибающемуся, живому полотну непросохшего пергамента. Ступени дрожали и двоились, ускользая из-под подошв, а за его спиной, в узком колодце, уже раздавались гулкие крики и железный лязг погони. Огненные отсветы факелов стражи бешено плясали на плывущих, теряющих устойчивость стенах, сужаясь и вытягиваясь, словно уродливые знаки препинания, расставляющие акценты в этом стремительном беге наперегонки со смертью. Тяжелые каменные своды Скриптория давили сверху всей мощью имперского канона, но сам этот канон уже шел трещинами, и Хранитель Лакун скользил сквозь колеблющийся мрак, ведомый не зрением, а тем самым пробуждающимся, метафизическим притяжением первородной пустоты, что звала его из глубин этого рукотворного, теряющего форму ада на волю.

Он выскочил через незапертую низкую дверь в боковой переулок Великого Скриптория, едва не задев головой косяк из грубого тесаного камня. Город встретил его ледяным, удушливым шквалом ночной бури, словно сама атмосфера империи, отравленная мертвым новоязом, пыталась перехватить ему горло и лишить способности дышать. Смотритель прижал драгоценный свиток ближе к сердцу, чувствуя, как сквозь пергамент пробивается пульсирующее, живое тепло, пряча его под грубой суконной туникой от хлынувшего ливня, и бросился в лабиринт архаичных, кривых улиц, где тени смыкались над головой, точно тяжелые готические своды. Этот древний город, выстроенный по велению Синедриона Слова как монументальный памятник мертвой грамматике, теперь казался Хранителю огромным, запутанным лабиринтом, где за каждым углом его подстерегал карающий нож цензора.

Его преследователи дышали ему в спину. Шаги кованых сапог храмовой стражи гремели по булыжной мостовой, отдаваясь в камне тяжелым, глухим ритмом, а впереди, на дальних перекрестках, уже мелькали багровые факелы городских патрулей, отрезая пути к отступлению. Времени не оставалось, но по мере того, как страх сжимал его горло, мешая сделать вдох. Восприятие Смотрителя начало стремительно и пугающе меняться. Мир, который он знал и в котором безропотно трудился столько лет, разваливался на его глазах, осыпаясь кусками мерт-

вой штукатурки и обнажая свою подлинную, искусственную, наспех сшитую природу. Внутренний лингвистический гений, пробужденный близостью манускрипта, сдирал с реальности пелену осязаемости: тяжелый гранит зданий терял свою плотность, а само пространство вокруг него истончалось, словно готовое прорваться от малейшего прикосновения к истине.

Хлынувший из чернильного неба ливень больше не ощущался как вода. Смотритель с ужасом всматривался в летящие потоки: тяжелые капли падали слишком ровно, строго параллельно друг другу, расчерчивая пространство на вертикальные, жесткие штрихи. Это были не капли — это была черная тушь, которой древний Автор когда-то заштриховал ночное небо на полях своего черновика. Сами небеса потеряли глубину, превратившись в плоский, грубо погрунтованный свод, над которым не было ни звезд, ни бесконечности — лишь глухая, непроницаемая изнанка титульного листа. Шквал ветра доносил до лица Смотрителя не свежесть грозы, а едкий, до боли знакомый запах подсыхающих галловых чернил, и этот запах окончательно подтверждал: весь его побег происходил не по улицам живого города, а по исписанной чужой волей бумаге, где каждый шаг уже был предрешен начертанным сюжетом.

Смотритель свернул в узкий проулок, надеясь запутать след, но на бегу задел плечом массивную каменную стену купеческой лавки. Камень под его пальцами не отозвался привычным гранитным холодом. Вместо этого стена мягко прогнулась, издав сухой, едва слышный шелест, точно Хранитель прикоснулся к плотному, многократно спрессованному пергаменту, веками лежавшему в сырости. Фасады домов, мимо которых он несся, казались плоскими, лишенными объема декорациями — их углы были слишком острыми и прямыми, напоминая грубые швы книжного переплета, стянутого жилами. Иллюзия осязаемого мира рассыпалась: город больше не защищал своих жителей камнем, он лишь притворялся им, сдерживаемый ветхой, размокающей под чернильными потоками бумажной плотью.

Погоня прижимала его к окраине града, туда, где за чертой старых кварталов возвышался заброшенный, наполовину разрушенный собор времен Первой Династии. В ту древнюю эпоху, за столетия до воцарения Синедриона Слова, строители еще не знали плоского камня и удушливых канонов новояза; они возводили храмы как живые гимны Началу. Стены собора, сложенные из исполинских блоков пористого туфа, казались овеществленными, застывшими в камне звуками доисторической поэзии. Некогда его фасад украшали сложнейшие рельефы и крылатые литеры, прославлявшие Логос, но теперь эти начертания были изъязвлены временем и высечены топорами первых цензоров, оставив лишь глубокие, сочащиеся мертвой дождевой влагой борозды. Огромный купол, расколотый пополам ударом древней теологической грозы, обнажал внутренние ребра арок, похожие на рассохшийся скелет какого-то исполинского, допотопного существа. Сама Первая Династия, правившая до Второго Иконоборчества, почитала книгу не как свод приказов, но как живую плоть Творения, и этот разрушенный алтарь оставался последним на земле прибежищем для Слов, вытравленных из человеческой памяти.

Смотритель ворвался в переулок, ведущий к храму, и внезапно замер на полной скорости, едва не соскользнув на мокром булыжнике. Дороги больше не было. Пространство перед ним оборвалось ровной, геометрически безупречной и ослепительно белой полосой, от которой исходило холодное, стерильное сияние. За этой чертой не существовало ни воздуха, ни звездного неба, ни самой земли — лишь абсолютная, звенящая пустота, пугающая своей незавершенностью. Это были мертвые, незаписанные поля страницы, за границы которых Синедрион Слова так и не смог продвинуть свой фальшивый, наспех сшитый сюжет, оставив империю запертой на полях неоконченной рукописи. Весь их тоталитарный мир обрывался здесь, упираясь в первозданную белизну докосмического небытия, которая ждала своей истинной строки.

Сзади из темноты вынырнули тяжелые фигуры стражников. Огонь их факелов, чадящий жирным багровым пламенем, на мгновение выхватил бледное, иссеченное тенью лицо Смот-

рителя. В замкнутом пространстве переулка оглушительно, с сухим костяным щелчком, взвелись замки тяжелых самострелов.

Поняв, что бежать в ослепительную, леденящую пустоту незаписанных полей нельзя — ибо там его земная форма просто прекратила бы свое существование, Смотритель отчаянным рывком метнулся в сторону. Он буквально прыгнул в распахнутый, сочащийся древней сыростью зев соборного портала. Тяжелая дубовая створка, окованная позеленевшим от времени железом, с грохотом захлопнулась за его спиной, вгоняя кованые штыри запоров глубоко в пазы. Этот удар отсек его от внешнего мира — мира, который на глазах Смотрителя стремительно терял последние крохи объема, превращаясь в плоский, грубо исписанный, размокающий под чернильным дождем папирус старого черновика.

Лакуна V. У края страницы

Пыльный, сырой воздух собора дрожал от громоподобного рева башенных колоколов, улавливавших предвечную частоту просыпающегося Слова. В огромных стрельчатых нефах храма метались гулкие, тяжелые звуковые волны, от которых со стен осыпалась древняя штукатурка. Смотритель медленно отступал назад, к полуразрушенному, покрытому трещинами алтарному камню Первой Династии, пока спина его не уперлась в холодный гранит. Тяжелые дубовые двери собора с протяжным, металлическим скрежетом распахнулись, впуская внутрь багровые отсветы факелов и запах чернильного ливня. Но храмовая стража не бросилась на него. Они безмолвно расступились, выстроившись безупречным полукругом и вскинув тяжелые самострелы, нацеленные прямо в грудь Хранителю Лакун. Сами их силуэты казались плоскими, жестко очерченными контурами, застывшими в этой финальной, предреченной сюжетом точке.

В проеме дверей, окруженный багровым сиянием факелов, появился он — Верховный Грамматик Синедриона Слова, старец в тяжелой парчовой мантии, расшитой золотыми знаками препинания, кои казались клеймами на теле самого языка. В руке он держал массивный жезл, навершие которого повторяло форму цензорского ножа-скребка, готового в любой миг отсечь от бытия неугодный смысл. Его лицо, иссеченное глубокими морщинами, напоминало пергамент, который слишком долго сушили над огнем, пока на нем не выгорели последние остатки человеческой жалости. Он ступал медленно, но в каждом его движении чувствовалась непоколебимая, бездушная сила того самого канона, что веками удерживал этот мир в тисках рукотворного синтаксиса.

— Остановись, безымянный раб, — голос Верховного Грамматика прозвучал сухо, безэмоционально, словно он зачитывал старую судебную опись. — Ты дошел до края страницы. Дальше повествования нет. Отдай свиток.

Смотритель тяжело дышал, прижимая рукопись к груди. Тоска и фантомная боль в его ребрах утихли, сменившись ледяной, звенящей ясностью.

— Этот мир... он мертв, — хрипло произнес Смотритель, и его голос под сводами храма вдруг обрел странный, объемный резонанс. — Вы выхолостили его. Вы отняли у языка плоть и кровь, оставив лишь сухие кости параграфов.

Верховный Грамматик сделал медленный шаг вперед, его жезл гулко стукнул о гранитные плиты. В его блеклых, лишенных жизни глазах не было удивления — лишь бесконечная, вековая усталость тюремщика, чей главный узник наконец-то взглянул в зеркало своего истинного лица.

— То, что ты называешь смертью, есть Высший Порядок, — холодно ответил старец, и золотые знаки препинания на его мантии тускло блеснули в багровом огне факелов. — Живой язык хаотичен. Он порождает сомнения, мятежи и ересь. Живое слово изменчиво, а изменчивость — это энтропия, пожирающая бытие. Синедрион Слова совершил великое благо: мы зафиксировали ускользающую реальность. Мы убрали лишние смыслы, выпрямили кривой

синтаксис истории и заперли ускользающее бытие в строгие, нерушимые рамки незыблемого канона. В нашем мире больше нет места случайностям. Каждая начертанная тварь отныне знает свое строгое, предписанное ей место, и никто не смеет нарушить завет.

— Вы лишили мир Слова! — Смотритель сделал шаг навстречу, вскинув руку со свитком, и его голос под сводами собора обрел монументальную, грозную силу. — Ваша хваленая стабильность — это лишь гниение забытого черновика, брошенного в темноте! Вы измерили эту лакуну под своим увеличительным стеклом? Весь ваш текст, вся ваша лживая летопись прогибается под ее невыносимым весом! Весь ваш канон, все ваши законы, закованные в гранит башни держатся только на том, что вы судорожно, в смертельном испуге пытаетесь скрыть дыру в самом основании вашей Вселенной! Без Того, Кто начал эту предвечную строку, все ваши буквы — лишь сухая, безжизненная грязь на пергаменте!

Лицо Грамматика на мгновение дрогнуло, в его блеклых, высохших глазах мелькнул первородный, унаследованный от предков-бунтовщиков страх перед лицом разгневанного Создателя. Но он быстро вернул себе холодную, непроницаемую маску абсолютной власти. Он крепче сжал ланцетовидный жезл, словно тот мог защитить его от пробуждающегося Логоса, и посмотрел на Смотрителя с бесконечной, безжалостной решимостью цензора, готового стоять до конца.

— Нам не нужен Автор, чтобы существовать, — отчеканил старец, и его скрипучий голос разнесся под сводами собора, перекрывая гул колоколов. — Персонажи переросли своего Создателя. Да, наши предки совершили великое насилие. Они вырезали Его Имя, разорвали смысловую цепь и заперли Логос в самую хрупкую, ничтожную тюрьму — в тело безымянного раба с амнезией. И заставили его самого, век за веком, соскабливать остатки собственного присутствия в Скриптории. Какая ирония, не правда ли? Ты сам помогал нам удерживать этот порядок.

Смотритель опустил взгляд на свои испачканные галловыми чернилами пальцы. На его губах появилась горькая, торжествующая улыбка, в которой больше не осталось ничего рабского.

Вся лингвистическая матрица его существа пришла в движение, и в звенящей тишине его ожившего разума скрестились предвечные смыслы: «Чем Творец отличается от Писателя? Ничем. Обоим нужна пустота, чтобы начать. Обоим нужен Дух, носящийся над водою — или мысль, бьющаяся над белым листом. Когда Он произнес: "Да будет...", во Вселенной заиграл синтаксис. Звезды стали точками, галактики — абзацами, а гравитация — железной логикой повествования. Мир был Книгой, написанной на языке света. Но Тварь не захотела быть написанной. Тварь взяла ластик. Тварь открыла словари и объявила Имя своего Создателя вне закона. Они думали, что, если вырезать Имя с титульного листа, книга станет принадлежать им. Но они лишь превратили цветной роман в удушливый новояз. А Творец... Творец просто упал между строк, рассыпавшись на гласные и согласные, забыв, кто Он такой, пока законы Его же собственной грамматики не привели Его обратно к началу страницы».

Он поднял глаза на Грамматика, и взгляд его вспыхнул чистым золотом первородных чернил.

— Вы совершили ошибку, Грамматик, — тихо, но монументально произнес он, и в этой тишине замерли капли чернильного дождя за окнами. — Слово нельзя уничтожить. Его можно только переместить. И вы сами принесли мне зеркало.

Он развернул Свиток Первоздания на полную длину. Взгляд Смотрителя упал на выскобленную пустоту. В ту же секунду вся лингвистическая матрица его существа, его сакральное сиротство, форма его губ и ритм выдоха соединились в одну безупречную, предвечную фонему. Он вспомнил Всё.

Верховный Грамматик высоко поднял свой цензорский жезл. Лицо его окончательно побледнело, а голос сорвался на испуганный, хриплый крик:

— Контекст Имени опознан! Закрыть лакуну! Стреляйте! Живым не брать!

— В НАЧАЛЕ... — выдохнул Смотритель.

Щелкнули замки самострелов. Десятки тяжелых железных болтов со скрежетом сорвались с тетивы и полетели прямо в его грудь.

Но звук, сорвавшийся с уст Смотрителя, не был человеческой речью. Это был первородный, космогонический гул, расколовший гранитный алтарь надвое. В ту же секунду летящие в него стрелы мгновенно потеряли скорость и застыли в воздухе, прямо перед его лицом. Они больше не были острым железом — они превратились в жирные, черные типографские точки. В знаки препинания, которые навсегда завершили фальшивую историю Синедриона Слова. Острие каждой стрелы обратилось округлой точкой, прервавшей движение навязанного канона, и этот мертвый синтаксис замер, не в силах преодолеть волю вернувшегося СЛОВА.

Верховный Грамматик открыл рот, чтобы изречь последний проклинающий указ, но буквы на его золотой мантии вдруг потекли вниз черными ручьями. Его пальцы, его жезл, его стражники начали истончаться, теряя объем и превращаясь в плоские графические контуры.

Весь этот архаичный мир, со всеми его душными скрипториями, цензорами, законами и каменными башнями, начал с оглушительным шелестом сворачиваться, как старый, иссушенный папирус. Стены собора рушились, осыпаясь сухой пылью букв обратно в небытие. Сама геометрия пространства, созданная узурпаторами Синедриона Слова, смыкалась, стирая границы вымышленных законов и ложного завета. В этой оглушительной лавине осыпающегося текста не осталось места ни камню, ни плоти, ни железу — всё возвращалось к своему первородному знаменателю, к той самой докосмической тишине, из которой когда-то вырвался первый крик творения.

Человеческая плоть Смотрителя окончательно разрешилась от земных уз, распавшись на мириады невидимых, чистых искр, кои более не были скованы законами смертного увядания. Логос вернулся домой. Человек без имени, веками влачивший жалкое существование в темных казематах Скриптория, исчез навсегда, словно случайная помарка на полях древней рукописи, и Истинный Автор оказался посреди ослепительного, бескрайнего Чистого Листа, чья сияющая белизна простиралась в бесконечность, не стесненная ни чужими сюжетами, ни мертвыми рамками канонов.

Перед Ним, дыша первородной, хтонической силой, волновалась и кипела бездонная Чернильница-Хаос — Сосуд Предвечной Ночи, где покоились еще не рожденные Смыслы, Великие Вселенные и непроизнесенные Глаголы, ждавшие мановения Его руки. Он был дома, в обители истинной свободы, где нет места тирании Синедриона Слова и фальшивому синтаксису земных владык. Он взял монументальную писчую трость, обмакнул её в эту предвечную темноту, вбирающую в себя всю мощь докосмического бытия, и уверенным, величественным движением вывел первую, заглавную букву Нового Начала, начертавшую предел хаосу и дарующую миру священный Закон — АЛЕФ.

Когда Ангелы сходят с ума

Порою, судьба так перетасует карты в колоде жизни, что с великим трудом понимаешь, где кончается явь и начинается сон…

Мистер Гарольд Сэммерс не спеша прошелся по своему кабинету на ходу снимая смокинг и небрежно бросая его на спинку кресла. Нервным движением Сэммерс открыл бутылку бренди и, налив полбокала, залпом осушил его. Волна жара обожгла горло и разлилась приятным теплом по всему телу. Он закурил сигару, с наслаждением втягивая в себя аромат дорогого табака и плеснув еще бренди, взял бокал и подошел к открытому окну.

За окном была уже глубокая ночь. Нагоняя настойчивую сонливость, она обволакивала своим прохладным дыханием все живое, находящееся в парке, вокруг дома семейства Сэммерсов.

Постепенно этот воздух, наполненный тягучим звуком цикад и мерцающим светом миллионов звезд, вливался вовнутрь кабинета, заполняя собой каждый уголок…

Гарольд стоял и курил, не обращая внимание на все это. Даже сон обходил его стороной, не в силах пробиться к подсознанию сквозь невидимый барьер мыслей, роящихся в его голове.

Этот день, был явно, не лучшим днем в его жизни. Переосмысливая все происшедшее, Сэммерс пришел к выводу, что кто-то там, на верху, среди облаков, задался целью превратить его существование в кошмар. Все достижения прошедших лет, все цели на упрочнение своего положения в обществе, где не терпят слабаков, пошло крупными трещинами, в любую минуту готовое развалиться и похоронить его под своими обломками. Компания по производству минеральных удобрений, главой которой был Гарольд Сэммерс, уже несколько месяцев находилась на грани банкротства. Все попытки, как-то выйти из этой ямы, не давали результатов, пока не появилась возможность заключить контракт на довольно выгодных условиях с одной из посреднических фирм. Но сегодняшнее подписание бумаг, из-за какой-то мелочи, не состоялось. Сэммерс был в ярости. Разогнав всех своих компаньонов, он плюнул на все и поехал к Кэтлин Фердисон, к услугам которой прибегал, чтобы расслабиться и снять напряжение вне дома.

Ее не оказалось дома, хотя Гарольд с утра договаривался с ней о встрече. Подождав с полчаса в машине, он решил остаток дня провести в казино, о чем и пожалел, через некоторое время. Проигранные двадцать пять тысяч оказались последней каплей в потоке неприятностей этого дня. Казалось, хуже уже быть не может, но он ошибался.

Злой на себя и на все вокруг, морально опустошенный, Гарольд вернулся домой. И теперь стоя у открытого окна, пытался найти выход из тупика, в который его загнали стечения обстоятельств.

Звук открываемой двери вывел его из этого состояния. Он резко обернулся. Перед ним в халате, поверх ночной рубашки, стояла его жена. Гарольд вопросительно посмотрел на нее и собирался уже наговорить каких-нибудь гадостей, но осекся и в страхе отшатнулся. Что-то жуткое блуждало в глубине ее зеленоватых зрачков. Сэммерс лихорадочно искал хоть какое-то объяснение ее присутствия здесь, в такое время и в таком виде.

– Э-э-э… что случилось? – наконец выдавил он из себя, остановив свой взгляд на родинке на ее правой щеке.

Она ничего не ответила, и пауза молчаливой неизвестности затянулась.

Гарольд следил за тем, как его жена бесшумно передвигается по кабинету, с каким-то диким интересом рассматривая предметы мебели.

Наконец, закончив свое бесцельное блуждание, она опустилась в кресло за рабочим столом Гарольда.

Сэммерс хотел вновь заговорить, но она, вдруг, сама подняла на него глаза и смерив нехорошим взглядом, достала что-то из кармана халата и положила это на стол. Он узнал этот предмет. Это был браслет, который он подарил Кэтлин Фердисон год назад. Три больших рубина, как капли крови сверкали на золотом обруче.

– Мне кажется, эта штука тебе знакома, – голос мисс Сэммерс был как гром среди ясного неба. Стакан с недопитым бренди упал на мягкий ворс ковра.

– Может, ты объяснишь, наконец, что происходит? – Невнятная речь Гарольда сейчас больше походила на хрип умирающего, но с каждым новым словом он обретал все большую уверенность. – Почему я должен признать эту вещь? Кстати, где ты ее взяла? Я не помню, чтобы у тебя был такой браслет…

– Как где? Тебе ли это не знать, Гарольд! Впрочем, если ты запамятовал, я тебе напомню. Сегодня мне его подарила одна дама, та, что содержит косметический салон на Крайт-Стрит, перед тем, как отправиться прямиком в ад. – Она говорила это таким тоном, как будто речь шла об обычном подарке на рождество. – Она просила передать, что будет тебя там ждать… С нетерпением…

Сэммерс почувствовал, что волосы на его голове зашевелились. Все поплыло перед глазами. Стены, то сходились, перекрывая доступ воздуху, то разъезжались в разные стороны и тогда он ощущал себя маленькой песчинкой в бескрайнем просторе Великой Вселенной. Красные круги, пульсируя и издавая назойливые, звенящие звуки, носились под потолком. Тупо уставившись на черный зрачок вороненого ствола револьвера Смит-Вессон, неизвестно откуда появившегося в ее руке, Гарольд пытался уловить смысл сказанного ею.

– Ты что, убила ее?.. – Осторожно спросил он, наконец. Трагические нотки в его голосе развеселили ее.

– Ну вот, ты и вспомнил. Конечно, я ее убила, – сквозь истерический хохот выдавила она. – А ты, что думаешь, я должна спокойно смотреть, как ты выкидываешь на ветер капиталы моего отца. И мне надоело быть посторонним наблюдателем твоих хождений по девочкам, на которых уходит большая половина этих денег… Сегодня утром я подумала, а почему бы не положить этому конец…

– Но как ты могла?.. – Неотвратимость всего происходящего постепенно придавала ясность его мыслям. – Ты хоть понимаешь, что ты натворила?.. Тебя же посадят в тюрьму!.. Боже мой, да ты просто сумасшедшая дура!.. Ты…

– Хватит зудеть Гарольд, – она нахмурила брови, будто его слова действовали ей на нервы. – Меня тошнит от тебя и твоих нотаций. Что сделано, то сделано и теперь уже поздно, что-то менять. Да мне и не хочется этого делать. Так намного лучше, не правда ли? Вот только осталось поставить последнюю точку в этом фарсе, выполнив тем самым волю покойной. Я думаю, ты не станешь возражать против этого? Впрочем, твое мнение никого не волнует.

Слушая весь этот бред, Гарольд Сэммерс заметил, как ствол пистолета стал медленно подниматься и замер, нацелившись ему прямо в грудь. Понимая, что сейчас произойдет, он поднял перед собой руки, как бы пытаясь отгородиться от смертельной опасности, и быстро заговорил:

– Послушай, опусти пистолет, – Гарольд обращался к ней, как будто из другого мира, – мира мертвых. Но, тем не менее, еще чувствуя незримую связь с миром живых, он старался как-то оттянуть развязку, и может быть свести все к мировой.

– Ведь ты же не…

Оглушительный грохот и невыносимая боль оборвали речь Сэммерса в самом начале.

– Выстрелю, Гарольд. Еще как выстрелю, – услышал он ее голос прежде, чем еще один выстрел отбросил его к стене, и он сполз на пол, пачкая своей кровью обои.

А револьвер все стрелял и стрелял, выплевывая в податливую плоть маленькие кусочки смерти…

Резкая боль в ребрах вывела его из сонного забытья. Чья-то железная воля с силой отбросила его куда-то в сторону, причем, не в самую лучшую. Слетев с полусгнившего тюфяка и разбрасывая, сложенные в кучу, пустые картонные коробки, он плюхнулся в зловонную лужу. С трудом поднявшись на ноги и держась одной рукой за место, куда пришелся удар ботинком не самого маленького размера, он, как сквозь туман слышал какие-то слова, явно предназначенные ему.

– Убирайся отсюда, кусок дерьма… Теперь я здесь живу, – наконец разобрал он одну из фраз.

Он бросил последний взгляд на место своего недавнего ночлега, где уже разлегся солидных размеров негр. Ничего не сказав в ответ, он поплелся, шаркающей походкой, в ночь, спотыкаясь об кучи мусора и спавших под открытым небом людей, которые, так же, как и он, нашли в этих трущобах для себя последний приют.

На душе было как-то мерзко и недавний инцидент не имел к этому никакого отношения. С такими ситуациями здесь можно было столкнуться на каждом шагу. Что поделаешь, таковы законы этого безумного мира – выживает сильнейший. Скорее всего, такой осадок оставил сон, но он никак не мог вспомнить, что же ему приснилось. Мозг ни в какую не хотел выдавать ему эту информацию. Но состояние было такое, что, где-то там, на задворках мира фантомов и иллюзий, он потерял что-то очень дорогое, от чего зависела его реальная жизнь.

Он не знал куда идет и едва ли понимал, где находится, но одно он чувствовал наверняка – этой ночью он уже не сможет уснуть. Он свернул в сторону Кемп-Парка. Голова его тряслась в такт шагам, плечи сгорблены.

Наконец он вышел на пересечение с тридцать шестой улицей. Здесь желтое марево от автомобильных выхлопов висело, как дымка над тусклым светом мерцающего неона.

Он продолжал идти, натыкаясь на людей (несмотря на позднее время, здесь было очень многолюдно). Его отталкивали, обругивали, а он ни на кого не обращая внимание, устало глядел себе под ноги.

Что-то привлекло его внимание. Он еще не понял, что именно, но в какой-то момент ему показалось, что около сточной решетки тонкий луч отраженного фонаря резанул его по глазам. Он нагнулся, чтобы поближе рассмотреть свою находку. Сердце бешено колотилось в груди, готовое в любой момент выскочить в пробитое отверстие, когда он поднял с мостовой изящный женский браслет, неизвестно как оказавшийся здесь.

Радости от этой находки он почему-то не испытывал, хотя три рубина на золотом ободке стоили кучу денег. Какое-то другое чувство затмевало чувство ликования. Он пытался отогнать свои догадки по этому поводу, но как не крути, истина вырывалась наружу. Это был страх…

Сначала медленно, а постепенно все быстрее, как кадры кино, всплыл его давешний сон. И наконец, он вспомнил все, со всеми подробностями. Как будто кто-то резко отдернул занавес, за которым на сцене шло представление, а в роли главного героя он видел себя. Выронив браслет и издав душераздирающий крик, от которого вздрогнуло полквартала, он побежал, не разбирая дороги…

Ощущение, что на него налетает товарный поезд, сверкнуло у него в мозгу. Он не увидел, что его сшибают, он просто почувствовал, что его сейчас собьют. Хромированная решетка радиатора старого «форда» отбросила его на двадцать ярдов с такой легкостью, будто тело совсем потеряло вес. Ударившись со все силы об фонарный столб, он упал на дорогу. Машине с трудом удалось затормозить в нескольких дюймах от его головы.

Сквозь кровавую пелену, парализующего движения, облака, он услышал, как открылась дверь машины, и торопливые шаги приблизились к нему. Казалось, что это сама смерть, под трубный грохот сошедших с ума ангелов, спешит, чтобы забрать его в свое царство теней.

Цепляясь за тонкие нити, связывающие его с жизнью, он с трудом открыл единственный глаз (второй вытек, не выдержав удара) и… О, боже!.. Судорога пробежала по всему его телу, выдавливая из него последние капли сил. Он затих, глядя широко открытым от ужаса глазом, в пустоту…

Последнее, что он увидел, было лицо женщины с родинкой на правой щеке…

Отражение

— Даже не знаю, — мужчина был явно в замешательстве, — как-то это всё неправильно, противоестественно и нелогично…

— А жизнь вообще лишена логики, — усмехнулось его отражение. — О какой логике может идти речь, если ты, пациент психиатрической клиники в состоянии глубокой прострации, разговариваешь с зеркалом? Это же чистый абсурд.

— Да, но от твоего предложения мне не по себе.

— Тебе уже давно не по себе, и если ничего не предпринять, этим всё и кончится. От того, что я предлагаю, глупо отказываться. По сути, я дарю тебе новую жизнь. Грех не воспользоваться таким шансом.

— Ну хорошо. И как мы поменяемся? Ты же за стеклом.

— Это с какой стороны посмотреть, — ответило отражение с нескрываемой иронией. — По мне, так это ты сейчас за стеклом находишься.

— То есть? — мужчина опешил.

— Ладно, не парься, — махнуло рукой отражение. — Короче, Серёга, закрой глаза и представь, что перед тобой обычная дверь. Твоя задача — зафиксировать картинку и просто переступить порог. Да, могут быть побочные эффекты: тошнота, головокружение, возможна рвота или потеря сознания.

— Чего может быть? — Сергей, который уже послушно закрыл глаза и подался вперед, вдруг замер и недоверчиво уставился на зеркало.

— Да ничего! Шучу я. Видел бы ты свою рожу, — в стекле расплылась довольная улыбка. — Всё нормально будет. Расслабься, а то весь напряжен, как пружина.

— Шутник, — Сергей неодобрительно покачал головой. Но всё-таки снова закрыл глаза, выждал секунду, глубоко вздохнул и сделал шаг вперёд.

В кабинет доктора Васнецова настойчиво постучали. Немолодой, но ещё полный сил мужчина, не поднимая головы от разложенных на столе историй болезни, хрипло отозвался:

— Да-да, войдите.

Дверь резко распахнулась, и в кабинет почти вбежала старшая медсестра. Несмотря на внушительный рост и грузную фигуру, двигалась она на удивление проворно. Не рассчитав движения, она слишком громко захлопнула за собой дверь. Профессор вздрогнул от неожиданности и поднял на неё недовольный взгляд.

— Что у вас, Зинаида Андреевна?

— Пациент из семнадцатой палаты пришел в себя! Просит поговорить с вами.

— Это тот, который целыми днями не отходил от зеркала?

— Да, он самый. Сергей Голубев. Сегодня стоял как обычно, потом вдруг чихнул и вышел из ступора. Сейчас ждет в коридоре, просит принять его.

— Хм… Интересно. Ну ладно, зовите.

Медсестра торопливо кивнула, приоткрыла дверь и, выглянув наружу, перекинулась с кем-то парой слов. Затем посторонилась, освобождая проём. В кабинет уверенным шагом вошел мужчина средних лет в поношенной больничной пижаме. За ним следовал дюжий, крупных размеров санитар. Проходя мимо рослой медсестры, пациент смерил её оценивающим взглядом, лукаво улыбнулся и обратился к доктору:

— Вы их специально до таких размеров откармливаете или они к вам такими приходят?

— Что, простите? — Васнецов слегка опешил от подобной наглости.

— Прошу прощения, профессор, — непринужденно произнес мужчина. Без приглашения он опустился в кресло напротив врача и, наклонившись ближе, добавил заговорщическим шепотом: — Мы можем поговорить наедине?

Доктор некоторое время пристально разглядывал пациента, взвешивая его намерения и оценивая адекватность, а затем молча кивнул персоналу. Медсестра и санитар вышли, дав понять, что будут караулить неподалеку. Когда за ними закрылась дверь, врач откинулся на спинку кресла и незаметно опустил руку под стол, поближе к тревожной кнопке на подлокотнике.

— Так что вы хотели мне сообщить, больной? — начал он монотонным, профессионально-успокаивающим голосом.

— В принципе, ничего такого, Алексей Степанович, чего бы вы уже не знали. Я просто пришел сказать, что абсолютно здоров и хочу покинуть это достойное учреждение. Как можно скорее. Желательно — немедленно.

— Вы серьезно? — доктор уже начал сомневаться в правильности своего решения. Палец плотно лег на выпуклую пластиковую кнопку.

— Абсолютно. И осторожнее с кнопкой под столом, а то нажмете случайно. Мне бы очень не хотелось оказаться привязанным к койке.

— Но вы же понимаете, что это невозможно, — пальцы врача невольно сжались в кулак от того, что больной разгадал его жест.

— Почему?

— Еще несколько минут назад вы были… Как бы это помягче выразиться?..

— Овощем?

— Да, чем-то вроде этого. Мы должны понаблюдать за вами. А вдруг вы завтра опять отключитесь и будете без памяти торчать у зеркала? Что тогда? Молчите? — доктор с напускным сочувствием посмотрел на собеседника.

— Без памяти — это когда ничего не помнишь. А я помню всё.

— Интересный случай, — в голосе врача проступили явные нотки профессионального скепсиса. — Ну хорошо. Скажите мне тогда, что примечательного вы находили, часами любуясь своим отражением?

— Я не любовался. Я общался… Вы позволите закурить?

— Да, конечно, курите, — доктор недоверчиво пододвинул к больному пачку сигарет и спички. — Что вы делали? Общались? С кем?

— С отражением, — невозмутимо произнес мужчина. Он прикурил и с наслаждением выпустил тонкую сизую струйку дыма. — С кем же еще. Не с другими же пациентами мне разговаривать. И тем более не с вашим звероподобным персоналом.

— Любопытно, — промурлыкал врач, мысленно ставя галочку напротив очередного симптома. — И о чём же вы с ним разговаривали?

— Да обо всём.

— Простите меня, Сергей, но мне как специалисту хотелось бы конкретики.

— Извольте. Не далее как вчера мы разговаривали о вас.

— Обо мне?

— Да.

— И что же вы обо мне говорили?

— Обсуждали методы вашей практики. Некоторые из них сильно устарели, за рубежом так давно не лечат. Вы совсем перестали интересоваться свежими научными трудами в области психиатрии. Впрочем, у вас теперь другие интересы. Кстати, на вашем месте я не стал бы так слепо доверять шурину. Это было не слишком мудрое решение.

— Откуда вы знаете, что у меня есть шурин? — глаза доктора округлились. — Кто вы такой?

— Эй, док, спокойнее! Вы так побледнели, я уж думал, вас инфаркт хватит. Но нет, вы умрете не так и не сейчас.

— Как же я умру?

— Не думаю, что мой ответ вас порадует. Вы пустите себе пулю в голову через двадцать минут.

— Какого черта вы тут мелете?!

— Правду. Но я немного ошибся в формулировке… Нет у вас больше шурина. Его застрелили два часа назад при задержании, во время сбыта очередной партии амфетамина.

— Что вы несете?! Какой амфетамин?! — голос доктора сорвался на хриплый крик.

— Тот самый, который вы время от времени выписывали из больничной аптеки и отдавали ему на реализацию.

— Бред…

— Не совсем. Можете прямо сейчас позвонить своей сестре. У нее в квартире как раз заканчивается обыск, — добил его Сергей, хладнокровно гася окурок в хрустальной пепельнице.

Палец доктора судорожно вдавил кнопку. Дверь мгновенно распахнулась, и в кабинете вырос санитар.

— Проводите… больного в палату, — чужим, осипшим голосом приказал доктор.

Санитар молча кивнул, подошел к пациенту и поднял его с кресла — не грубо, но осязаемо-жестко. На самом пороге Сергей обернулся и устало произнес:

— Зря вы меня не выписали, пока было время. Впрочем, вы лишь отсрочили то, что могли сделать немедленно. До заката я всё равно выйду отсюда. Прощайте.

Ответом ему была мертвая тишина. То ли доктор лишился дара речи, то ли захлопнувшаяся дверь отсекла его голос.

А ровно через двадцать минут в запертом изнутри кабинете грохнул пистолетный выстрел.

* * *

— Капитан, вы можете уделить мне немного времени?

— В чём дело? Кто вы? — усталый следователь близоруко прищурился, пытаясь разглядеть говорившего в полумраке коридора.

— Прошу прощения, я пациент этого учреждения. Сергей Голубев. Но я не сумасшедший, — быстро внес поправку мужчина, уловив настороженную искру во взгляде офицера. — Я хотел бы поговорить с вами по поводу покойного главврача.

— Вам что-то известно? Только, если можно, короче. Уже поздно, и я смертельно устал.

— Конечно, я не задержу вас надолго. Вытащите меня отсюда, и вы узнаете то, что знаю я.

— Вы что, шутите? — раздраженно спросил капитан. — И что же вы такое знаете?

— Я знаю всё. Насколько я понимаю, у вас на руках два мертвых свидетеля, которые были лишь мелкими звеньями в огромной цепи. Повторяю еще раз: вытащите меня отсюда, и я предоставлю вам подробную информацию по всем интересующим вас вопросам.

— Хотелось бы конкретики.

— Что же вам всем обязательно подавай детали… Извольте. Старший сын покойного доктора — владелец ночного клуба «Мираж». В подвале этого заведения оборудована лаборатория по изготовлению фальшивых денег. В этом же клубе, да и во многих других, реализуются наркотики, похищенные из этой самой больницы. Почти весь здешний персонал в курсе дел. Могу назвать имена, явки, кто какой имел процент и за какие услуги.

— Довольно. Собирайтесь, вы едете со мной. Сейчас я обо всём договорюсь, — капитан решительно направился к ближайшему посту дежурного.

— Я даже знаю, кто платит вам, капитан, — негромко проговорил ему вслед мужчина, провожая сыщика насмешливым взглядом. — Ну и мирок здесь… Сплошная коррупция и криминал.

Сергей подошел к большому настенному зеркалу и на несколько секунд неподвижно замер. Затем он тонко улыбнулся, помахал рукой своему отражению и не спеша направился вслед за следователем, который уже что-то яростно доказывал дежурному врачу.

Отражение в глубине стекла послушно помахало рукой в ответ. Оно застыло, задумчиво глядя вслед уходящему двойнику, а затем, словно спохватившись, что задержалось в этом мире дольше обычного, бесшумно исчезло. Разгладившаяся зеркальная гладь стала абсолютно пустой.

Охота

Бежать! Мне надо бежать! Пока у них еще нет возможности выстрелить. Пока стая двуногих не успела насладиться своей победой. Влево? Да, влево! Они не заметят. Они не смогут меня заметить. Сейчас, вот только они ослабят внимание… Есть!

Бежать! Бежать! На свободу! К детенышам! К волчице! Стоп! Нет, мне нельзя бежать к ним. Я приведу преследователей прямо в логово, а это хуже смерти. Куда тогда? Что там впереди? О нет! Проклятье! Лай?! Собаки! Только не это. Собаки — это плохо, от них не спрячешься. Направо. Надо брать направо, в самую глубь леса. Овраг. Точно, там есть овраг. Неглубокий, конечно, но он сможет задержать охотников. Быстрее! Быстрее!

Что за ерунда? Тихо. Стало совсем тихо. Неужели они отстали? Нет, это обман. Они не могут бросить след. Точнее, собаки им этого не позволят. Я знаю, что это такое — охота. Она далеко не первая в моей жизни. Хотя, кажется, последняя. Запах близкой смерти слишком отчетлив. Но нужно сделать всё, что в моих силах. Всё ради того, чтобы выжить. И поэтому мое тело больше мне не принадлежит. Кровь в жилах движется в два раза быстрее. Я не бегу, я лечу над землей. Я всё могу! Я — сила, первобытная и первозданная! И лес мне поможет.

Куда они пропали? Может, остановиться? Да, мне нужна передышка. До оврага совсем близко, так что можно передохнуть. Как же я устал. Как болят лапы. Мне нужен хотя бы глоток воды. Здесь где-то рядом должен быть родник. Нужно найти его.

Неужели действительно отстали? Их нигде нет. Вода! О, как я хочу пить! Скорее! Надо бежать быстрее!

Что это? Засада?! У самой воды. Они ждут меня около родника! Надо уносить ноги, бежать, пока собаки не… Всё! Поздно! Опять погоня. Собаки всё чуют, всё слышат. Как же так? Почему я раньше их не почуял? Ну конечно, это их работа. Они лучшие в этом, они этим живут. Проклятая жажда… Это всё она, она затмила мои чувства.

Как же я устал. Нет больше сил. Преследователи всё ближе, псы почти догнали меня. Но нет, я так просто не сдамся! Вперед! Во имя неё и детенышей! Ради них я должен выжить! Жить! Как я хочу жить!

Залп! Они стреляют! Пули… Маленькие кусочки свинцовой смерти. Со всех сторон пули. Они хуже собак, они несут мгновенную гибель. О нет! Нет! Нет! Нет! Это конец!

Они повсюду: слева, справа, сверху. Ох! Больно! Как больно! Зацепили правый бок. Боль невыносимая. Впрочем, это только царапина! Это еще не финал, хотя бежать стало гораздо труднее. Что там? Ага, вот и овраг! Ну что же, еще поборемся.

А вот и собаки. Хотя пока только одна. Ну, иди сюда… Хрр! Ага, скулишь?! Ты просто щенок против меня. Я — волк, хозяин этого леса. Я, а не ты, человеческий выкормыш! Жизнь в неволе отупляет и делает слабыми. Ты тому наглядный пример. Я, раненый и уставший, всё еще жив, а ты, холеная ищейка, корчишься в собственной крови.

А вот и товарищи твои подтягиваются. Попробуйте, догоните! Прыжок! Овраг хоть и не слишком широкий, но на него пришлось потратить последние крохи сил. Плохо! Очень плохо! Энергия просто тает на глазах. Хорошо хоть собаки отстали у обрыва.

Еще выстрел. Пока один, и мимо. Взял чуть выше, только ветку срезал. Интересно, последует ли продолжение? Нет, тишина. Но стреляли почему-то откуда-то сбоку. Еще одна засада? Неужели меня полностью обложили? Не похоже. Выстрелов больше нет. Если человек там действительно один, то есть шанс прорваться. Ну что же, боги леса, не оставьте меня! Глупо просить больше, чем вы для меня уже сделали, но если есть на свете справедливость — помогите мне!

Резкий, едкий запах порохового дыма стал отчетливее. Значит, стрелок уже близко. Скорее всего, вон за тем поваленным деревом. Да, вот он поднимается и выходит на тропинку.

Что он делает? Пытается преградить мне путь? Но как? Он зачем-то отбросил в сторону свою громовую палку, а без нее люди бессильны. Странно, от него совсем не пахнет страхом. Впрочем, это уже не важно. Мы оба сделали свой выбор. Это финал. Сил осталось ровно на один, самый последний…

Прыжок! Сшибаю его с ног. Схватка продолжается уже на земле. Пытаюсь добраться зубами до его горла — не получается. Он слишком силен и хитер. Нет… Это я слабею. Больно! Как же мне больно! Совсем нет сил. Но не радуйся раньше времени, двуногий, я не дам тебе убить себя так просто. Нет. Я сам убью тебя. Лес, дай мне силы! Да-а-а-а-ай!

Рывок! Еще рывок! Что, не ожидал? Хрр! В глаза! Смотри мне в глаза!

* * *

Где я? Неужели я еще жив? Как я здесь оказался? Запахи вокруг другие, незнакомые — совсем не те, к которым я привык. Это неудобство еще можно пережить, но то, что я нахожусь в клетке, — невыносимо. Лучше бы меня убили. А может, я всё-таки умер и попал в волчий ад? Мне мама рассказывала в детстве, что волки, не исполнившие своего предназначения, после смерти лишаются свободы и становятся собаками. Нет, я не собака. Я еще жив, я чувствую, что это так. Вольный дух продолжает жить во мне. Я всё так же свободен, пусть даже и заперт. Моей свободы им у меня не отнять.

А вот и мой давешний противник. Стоит и смотрит на мое унижение. Смотри, смотри… Злость глухо пробуждается во мне. Ему, кажется, совершенно безразличны мои попытки показать, что рано или поздно я напьюсь его крови, и стальные прутья решетки его не спасут. Как же бесит это спокойствие!

Ему, оказывается, тоже досталось: голова перевязана, рука тоже. Странный у него взгляд. Без злобы. Скорее даже сочувственный. Такое ощущение, что он понимает меня — мой внутренний мир, мои мысли. Человек что-то говорит. Я не знаю почему, но смысл его слов доходит до моего сознания, и от этого на душе становится спокойнее.

Зачем он открывает клетку? Отошел… Что это, ловушка? Хочет продолжить бой или просто добить меня? Но он мог сделать это еще там, в лесу.

Я встаю. Странно, рана на боку затянулась и почти не болит. Интересно, сколько времени прошло с момента нашей схватки? Я делаю шаг. Выход из клетки постепенно оказывается позади. Человек делает жест рукой, указывая в сторону леса, и опять что-то тихо говорит. Не верю своим глазам… Он меня отпускает? Почему?

Впрочем, какая разница, надо бежать, пока он не передумал. В лес, к семье! Или всё-таки сначала убить его? Отомстить в его лице всему человеческому роду за боль, за постоянный страх, за унижения… Но почему-то я не тороплюсь делать ни того, ни другого. Какое-то новое, неведомое чувство мешает разобраться в себе.

Я оборачиваюсь, и мы долго смотрим друг другу в глаза. Он не похож на себе подобных. Совсем не похож. Нет, не внешне — он другой внутри. Очень странный двуногий, я таких еще не встречал. Снова угрожающе оскаливаю пасть. Он делает то же самое, но по-своему, без капли агрессии. Тонкая нить судьбы, невольно связавшая наши жизни, становится прочнее. Он очень похож на меня. Очень. Такой же независимый и ценящий свободу. Ценящий настолько, что готов поделиться ею со своим врагом.

Надо бежать.

Не становись больше на моем пути, человек. Я не хочу убивать веру в тебя. Прощай.

Я не спеша поворачиваюсь и так же не торопясь, с достоинством бегу в сторону чащи.

На волю.

В лес.

К семье.

Последняя экспедиция шаттла 8531

— Шеф, еще одна такая передряга, и я потребую увеличения оклада минимум раза в три! — второй пилот вытер пот со лба и поплотнее затянул привязной ремень. — Или ищите себе кого-нибудь другого.

— Боже мой! Можно подумать, ты впервые попал в турбулентность, проходя мимо силового поля, — буркнул командир, тайком вводя себе дозу успокоительного. — Хотя, если честно, тряхнуло знатно. С таким мощным выбросом энергии мы еще не сталкивались.

В команде явно назревал кризис. Экспедиционный модуль был направлен для исследования объекта «К1586» на чужеродной планете. Задание банальное, если не считать масштабов самих аномалий. Они были просто циклопическими. Мало того, практически каждая исследуемая точка была насыщена огромным количеством автономных ловушек, охранных систем и силовых полей. Все они располагались в самых неожиданных местах и работали на совершенно разных физических принципах. Одна из таких засад чуть было не стала роковой для шаттла и его экипажа.

Визуально всё выглядело спокойно. В секторе наблюдения датчики зафиксировали некое силовое поле, по первым оценкам, не представлявшее никакой угрозы. Однако на подлёте к нему, в последнее мгновение, восемнадцать камер правого обзора выловили легкое движение, и второй пилот чудом успел увести модуль в сторону. Контрольный облёт показал: движение исходит от гигантского биомеханического устройства, в сотни раз превосходящего по размерам их собственный аппарат. Повторный круг выявил еще одно неприятное обстоятельство — внутри, среди хитросплетений силовых линий, покоились останки модуля 6783. Сканирование показало, что, кроме сверхпрочного корпуса, от него не осталось ничего. Внутренние отсеки были полностью разрушены, а экипаж не подавал признаков жизни.

— База, база… Это борт 8531. Обнаружен пропавший 6783.

— Борт 8531, поняли вас. Продолжайте обследование.

— База, ситуация критическая. Код три. Топливо на исходе, нам требуется дозаправка. Подбираем место для посадки.

— Борт 8531, слышим вас. Подтверждаем код три. Танкер к вам уже выслан. Внимание! По последним данным, для посадки абсолютно непригоден элемент «Л24», находящийся в верхней плоскости объекта «К1586». Это ловушка! Повторяю: ЭТО ЛОВУШКА! Восемь экипажей были потеряны при попытке осуществить на него посадку. Судя по телеметрии, этот элемент можно отнести к классу ленточных «черных дыр». Из-за колоссального гравитационного притяжения в поверхностном слое он не дает кораблям взлететь. Эвакуация с него невозможна!

— …Это борт 4935, информацию подтверждаем, — слабый, тонущий в помехах голос прорвался сквозь шорохи эфира. — Мы сели на дозаправку, однако оторваться от поверхности не смогли. Посадочные штанги намертво удерживает гравитационное поле, мощности двигателей не хватает для… Пшшш… Пшшш… Прощайте…

— Капитан! — второй пилот, не стесняясь, достал фляжку со стимулятором. — Это уже не исследовательская экспедиция, а какая-то военная операция! Мы что, так и будем кружить в ожидании заправщика? А как же мини-модули? Неужели они не могут незаметно подобраться к основным целям и взять образцы? Или, в конце концов, спасти пилотов из этого гравитационного плена? А, капитан?

— Сынок, ты еще… тьфу… — командир смачно выплюнул колпачок от второго шприца с транквилизатором. — Ты еще просто не в курсе, что наши «мини» гибнут сотнями. Лучшее, чего им удалось добиться, — это сесть на объект и внедрить бур, после чего датчики фиксируют чудовищное локальное давление. И всё… Далее от модуля и пилота донесений не посту-

пает. Наши аналитики не нашли ничего умнее, чем предположить, будто такими силами может обладать только высший разум. Сказочники… Так, внимание! Танкер на подходе, начинаем маневр стыковки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.